

<...> Некоторые ученики его, видя бесчисленное множество иноков в пустыне, украшенных такими добродетелями и с таким жаром ревнующих о преуспейании в святом житии отшельническом, спросили авву Антония: «Отче, долго ли пребудет этот жар ревности и эта любовь к уединению, нищете, смирению, воздержанию и всем прочим добродетелям, к которым ныне так усердно прилежит все это множество монахов?» Человек Божий с вздыханием и слезами ответил им: «Придет время, возлюбленные дети мои, когда монахи оставят пустыни и потекут вместо них в богатые города, где, вместо этих пустынных пещер и тесных келий, воздвигнут гордые здания, могущие спорить с палатами царей; вместо нищеты возрастет любовь к собиранию богатств, смирение заменится гордостью, многие будут гордиться знанием, но голым, чуждым добрых дел, соответствующих знанию, любовь охладает, вместо воздержания умножится чревоугодие, и очень многие из них будут заботиться о роскошных яствах, не меньше самих мирян, от которых монахи ничем другим отличаться не будут, как одеянием и наглавником, и несмотря на то, что будут жить среди мира, будут называть себя уединенниками (монах — собственно, уединенник). При том они будут величаться, говоря: "я Павлов"; "я Аполлосов"... (1Кор. 1, 12), как бы вся сила их монашества состояла в достоинстве их предшественников: они будут величаться отцами своими, как Иудеи — отцом своим Авраамом. Но будут в то время и такие, которые окажутся гораздо лучше и совершеннее нас, ибо блаженнее тот, кто мог преступить, и не преступил,— и зло сотворить, и не сотворил (Сир. 31, 11), нежели тот, кто влеком был к добру массой стремящихся к тому ревнителей. Почему Ной, Авраам и Лот, которые вели ревностную жизнь среди злых людей, справедливо так много прославляются в Писании» (Patr. Graec. t. 40, p. 1095).

Св. Антоний сам по себе знал, что любовь сильнее страха, и говорил: «Я уже не боюсь Бога, но люблю Его (т. е. не страхом побуждаюсь, как держать себя, но любовью); ибо "любви вон изгоняет страх"» (1Иоан. 4,18). (Дост. ск. 32).

<...> И других убеждал он, чтоб паче всего воспитывали в себе любовь к Богу, как силу несокрушимую и неотпадающую. Так, когда однажды спросили его братья: «Чем лучше можно угодить Богу?», он ответил: «Самое угодное Богу дело есть дело любви. Его исполняет тот, кто непрестанно хвалит Бога в чистых помышлениях своих, возбуждаемых памятью о Боге, памятью об обетованных благах, и о всем,

* «Добротолубие». Том первый. Глава 5. Преподобный Антоний Великий. 4. Изречения св. Антония Великого и сказания о нем.

что Он для нас совершить благоволил. От памятования о всем этом рождается любовь полная, как предписывается: “возлюбиши Господа Бога твоего от всего сердца твоего, и от всея души твоя и всею силою твоею” (Втор. 6, 5),— и как написано: “Якоже желает елень на источники водныя, тако желает душа моя к Тебе, Боже” (Пс. 41, 2). Вот дело, которым должны мы благоугождать Богу, да исполнятся и в нас слова Апостола: “Кто ны разлучит от любве Божия? скорбь ли, или теснота, или гонения, или голод, или нагота, или беда, или меч?” Ничто же» (Римл. 8,35. 38). (Patr. gr. t. 40. p. 1094).

От сей или вместе с ней приходит <...> «радость» доброделания и пребывания в порядках Божиих, которая, в свою очередь, становится возбудителем ревности. Сюда относится следующее изречение св. Антония. Спросили его: «Что есть радость о Господе?» Он ответил: «Делом исполнить какую-либо заповедь с радостью, во славу Божию,— вот что есть радость о Господе. Ибо когда исполняем Его заповеди, нам должно радоваться; напротив, когда не исполняем их, должно нам печалиться. Почему постараемся исполнять заповеди с радостью сердца, чтобы взаимно соутешаться в Господе; только всячески при этом будем опасаться, чтоб, радуясь, не вознестись гордостью, но все упование свое возлагать на Господа» (Patr. gr. t. 40, p. 1095. Подобная мысль у Василия Вел. крат. прав. вопрос. 193).